

моннымъ, когда, въ самый разгаръ обѣда, онъ снимаетъ съ себя верхній халатъ («да гуа цзы»), закуриваетъ трубку, встаетъ, походить, порасправится, и за тѣмъ опять принимается за обѣдъ. Такая свобода за обѣдомъ считается шикомъ, и не каждый съ ней сумѣетъ справиться. За обѣдомъ всѣ курятъ трубки. Къ концу обѣда, между бесѣдой и ѣдой, уже насытившіеся «восемь мудрецовъ» забавляются подборомъ разныхъ поговорокъ, пословицъ, задачами шарадъ; благодаря гибкости китайскаго языка и письма іероглифами, между шарадами часто встрѣчается замѣчательно остроумныя. Наконецъ, еще болѣе невинныя развлечения для обѣдающихъ составляютъ разные игры, и особенно «въ четъ и нечетъ». Она состоитъ въ томъ, что одинъ изъ со- трапезниковъ беретъ горсть арбузныхъ или тыквенныхъ сѣмечекъ (всегда сервированныхъ съ десертомъ), и предлагаетъ сосѣду отгадать, четъ или нечетъ въ горсти. Не отгадавшій обязанъ хлебнуть изъ шкалика водку; а если онъ отгадалъ, то выпиваетъ его противникъ; и затѣмъ такіе же сѣмечки переходятъ въ горсть отгадавшаго. При каждомъ разѣ подобной выпивки, деликатность требуетъ общаго одобренія выраженіемъ хохота. Финалъ званого обѣда китайцы любятъ заключать какимъ-либо рассказомъ, преимущественно историческаго содержанія и непременно о своей странѣ; или анекдотомъ, легендой, сатирой, пародіей и т. п. Но за такіе рассказы обыкновенно берутся только аттестованные говоруны и декламаторы.

IX.

Со своей стороны и я предложу финалъ настоящему разсказу, въ сатирѣ, слышанной мной за однимъ обѣдомъ въ Пекинѣ. Не слишкомъ давно нѣкто «Ванъ у» встрѣтился со своимъ другомъ «Ли ма шэнъ». Эта встрѣча, необыкновенно поразившая «Ванъ у», была до крайности трогательной. Увидѣвъ друга, онъ даже усумнился, живъ ли онъ самъ, или не рехнулся ли. Да и нельзя было не удивиться, не испугаться такой встрѣчи, когда «Ванъ у» заподлинно помнилъ, что назадъ тому одиннадцатъ мѣсяцевъ онъ и пообѣдалъ за приличную «чу фэнъ цзы», и проводилъ до могилы этого самаго друга. Увидѣвъ испуганную, словно оторопѣлую фізіономію «Ванъ у», «Ли ма шэнъ» громко расхохотался, и, заботясь успокоить друга, посулилъ объяснить чудо своего вторичнаго появленія на семъ свѣтѣ.

Не отлагая общанія, столь интересовавшаго «Ванъ у»,